

«ЭТЮД К КАРТИНЕ «ИСЦЕЛЕНИЕ СЛЕПОГО» РАБОТЫ В.И.СУРИКОВА. УДОСТОВЕРЯЮ О.В. СУРИКОВА-КОНЧАЛОВСКАЯ 1917». ЭТУ НАДПИСЬ МОЖНО РАЗГЛЯДЕТЬ НА САМОМ НИЖНЕМ КРАЕ ПОРТРЕТА МОЛОДОЙ, УДИВИТЕЛЬНО ОБАЯТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ. НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ – ЕЩЕ ДВЕ. ПЕРВАЯ – «ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТРОЯНОВСКОГО ПЕРЕШЛА К МОСКОВСКОМУ ТОРГОВЦУ КРАЙСКОМУ, И ДАЛЕЕ К БЕРЛИНСКОМУ БАНКИРУ РАППОПОРТУ». И ЕЩЕ ОДНА – «СОБСТВЕННОСТЬ Е. КЛИМОВА. РИГА. RIGA, TAUBENST, 23-3. МАРТ 1944». Судьба этой картины, ныне одной из самых ценных реликвий в собрании Российского Фонда Культуры, во многом повторила трагические страницы истории России и ее лучших людей в XX веке.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АНГЕЛ MEANT TO BE AN ANGEL

"A PREPARATORY STUDY FOR THE PICTURE "HEALING OF THE BLIND" BY VI. SURIKOV. CONFIRMED BY O.V. SURIKOVA-KONCHALOVSKAYA 1917". THIS INSCRIPTION CAN BE SEEN ON THE BOTTOM EDGE OF THE PORTRAIT OF A STUNNINGLY BEAUTIFUL AND CHARMING YOUNG WOMAN. THERE ARE TWO MORE INSCRIPTIONS ON THE REVERSE SIDE. THE FIRST SAYS: "FROM THE COLLECTION OF TROIANOVSKY MOVED TO THE MOSCOW BROKER KRAISKOY AND THEN FURTHER ON TO A BERLIN BANKER RAPPORT." THE SECOND READS: "PRIVATE PROPERTY OF E. KLIMOV. RIGA. RIGA, TAUBENST, 23-3. MARCH 1944". THE FATE OF THIS PICTURE, ONE OF THE MOST CHERISHED TREASURES OF THE RUSSIAN FOUNDATION OF CULTURE, HAS IN MANY WAYS MIRRORED THE TWISTS AND TURNS OF THE COMPLICATED, TUMULTUOUS HISTORY OF RUSSIA AND THE TRAGIC FATE OF ITS BEST CITIZENS IN THE 20TH CENTURY.

Этюд, о котором идет речь, Суриков писал в страшные дни своей жизни. Дни, когда он потерял самого близкого человека – жену Елизавету Августовну Шаре. Она ушла, когда ей было всего тридцать лет. И десять из них подарила человеку, чей невероятный талант стал символом искусства России.

Они встретились в Санкт-Петербурге. Суриков тогда учился в Академии художеств и по воскресеньям ходил слушать орган в католический собор на Невском. Он обожал органную музыку. Там Василий Иванович и познакомился с сестрами Шаре.

Их отец был француз, принявший православие и открывший в Питере контору по продаже писчей бумаги. Мать Мария Александровна – дочь легендарного декабриста Свистунова. Красота Елизаветы Шаре поразила Сурикова. 25 января 1878 года они повенчались.

Брак художника был более чем удачным. Елизавета Августовна умела следить за бытом и создала прекрасную семью. Она родила Сурикову двух дочерей и сына. Но жизнь мальчика сохранить не удалось – он умер вскоре после рождения.

Елизавета Августовна была для художника, работавшего сутками напролет, буквально всем. Он любил ее «как сорок тысяч братьев любить не могут». И тем страшнее стала для него эта потеря. С детства стра-

давшая пороком сердца, Елизавета Шаре умерла 8 апреля 1888 года. «Я, брат, с ума схожу... жизнь моя надломлена, что будет дальше, и представить себе не могу», – писал художник брату.

«В то время Суриков произвел на меня впечатление нездорового человека. Говорил он как-то отрывисто коротко, несколько глухим голосом, если и случалось с ним разговориться, то часто и неожиданно впадал в задумчивость. Он был погружен в свои переживания. На глазах признаки слез», – вспоминал впоследствии красноярский художник Михаил Рутченко.

И именно в это время Суриков начал работу над «Исцелением слепорожденного». Размышляя над евангельским сюжетом, он искал образ ангела и вновь и вновь возвращался к навсегда утраченным чертам любимого лица.

Однако, как часто бывает, окончательный вариант картины, ныне хранящейся в церковно-археологическом кабинете при Московской Духовной академии, оказался далек от первых замыслов. Этюд так и остался этюдом и из семьи Суриковых перекочевал в собрание знаменитого московского мецената и врача Ивана Ивановича Трояновского.

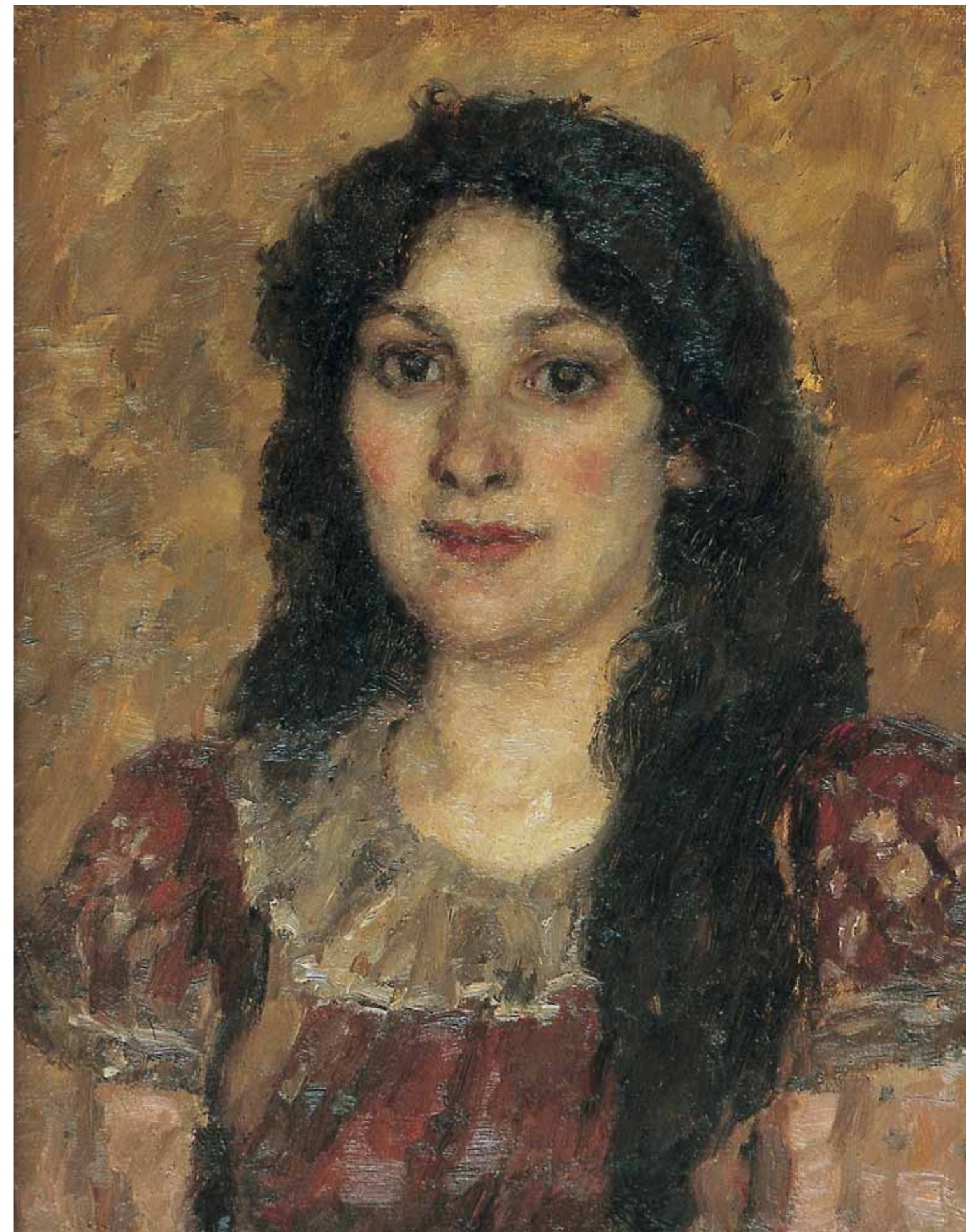
Этого человека дарили своей дружбой Серов и Левитан, Чехов и Бенуа, Сомов и

Surikov painted the study during the darkest period of his life when he was mourning the loss of his dear wife, Elisabeth Avgustovna Scharret. She died at the age of thirty, and one third of her short life had been devoted to the man whose outstanding talent became a symbol of Russian art.

They met in St. Petersburg where Surikov was then studying at the Academy of Arts. On Sundays he used to go to the Catholic cathedral on Nevsky Prospekt to listen to the organ music, which he loved. There Vasily Ivanovich met the Scharret sisters for the first time.

Their father, a Frenchman, had embraced the Orthodox faith and opened a small company in Petersburg selling writing paper. Their mother, Maria Alexandrovna, was the daughter of the legendary Decembrist Svistunov. The beauty of Elisabeth Scharret captivated Surikov. On January 25 1878 they married in a church wedding. This marriage was a blessing for the artist. Elisabeth Avgustovna was a good housewife and a perfect mother; she

ВАСИЛИЙ СУРИКОВ
Этюд к картине «Исцеление слепорожденного (Портрет Елизаветы Шаре)». 1888. Холст, картон, масло
Собрание РФК
VASILY SURIKOV
The study for the picture "Healing of the Blind from Birth (The portrait of Elisabeth Scharret)". 1888
Oil on canvas, cardboard
The collection of the Foundation of Culture

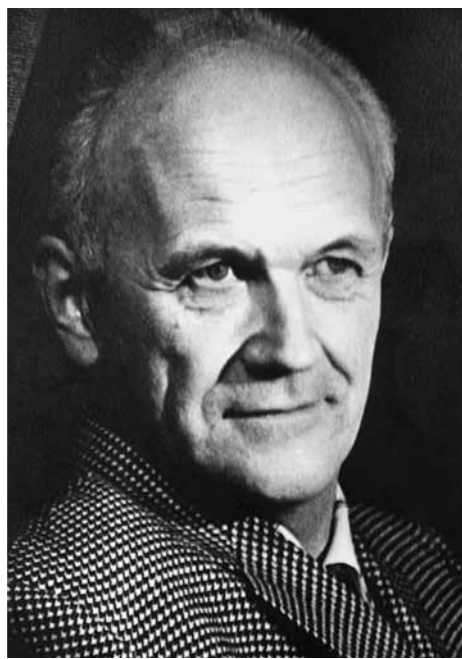
gave birth to two daughters and a son. However, the doctors were unable to save the boy's life, and he died soon after birth. Elisabeth meant the world to the artist, who used to work days and nights. He loved her as "forty thousand brothers would not love", and her death hit him very hard indeed.

Since childhood Elisabeth had suffered from a valvular disease of the heart. She died on April 8 1888. "I am turning mad, brother. My life is broken to pieces and I haven't got the faintest idea of what is going to happen next," the artist wrote in a letter to his brother.

"At that time Surikov seemed to be a sick man. He spoke in a dull voice in a somewhat abrupt and jerky manner. And while talking to you he could quite often suddenly turn silent. He was deep in his own thoughts and emotions. His eyes were red from tears," Michael Rutchenko, an artist from Krasnoyarsk, recalled later.

It was at that time that Surikov started working on the "Healing of the Blind from Birth". Thinking over its biblical theme, he was searching for the appropriate image of an angel, and his mind's eye turned again and again to the precious features of the one he had loved and lost forever.

But as so often happens, the final variant of the picture, kept at the Church-Archaeological study of the Moscow Spiritual Academy, turned out to be very different from its first version. The study remained just a study, and later changed hands, moving from Surikov's family

Евгений КЛИМОВ

Evgeny KLIMOV

Врубель. Страстный коллекционер, один из организаторов общества «Свободная Эстетика», которое он создал вместе с Брюсовым, Иван Иванович всегда был в центре художественной жизни. Кроме того, именно с его именем связано создание «Голубой Розы». Еще до Первой мировой войны в собрании Трояновского было более двухсот полотен, одного Левитана – шестнадцать картин и этюдов.

Надо сказать, что в отличие от большинства коллекционеров Иван Иванович

был человеком щедрым и отзывчивым. В Яузской больнице, где он работал ординатором, а потом на конной железной дороге и в трамвайных парках Москвы он лечил рабочих. И конечно, его услугами всегда пользовались друзья-художники. Не счесть людей, которым помог этот замечательный человек.

В его собрании и оказался этот этюд. Что было в дальнейшем – представить нетрудно. Реквизиции, уплотнения. Трояновский продолжал работать, он был истинным подвижником медицины и считал, что врач должен исполнять свой долг всегда. Но время было неумолимо, и в 1928 году великого доктора и неистощимого генератора художественных идей не стало.

Сам этюд, наверное, был продан или отдан в обмен московскому торговцу Крайскому еще до смерти Трояновского. Затем владельцем стал загадочный берлинский банкир Раппопорт, а в конце концов картина оказалась у Евгения Евгеньевича Климова.

Климов работал во многих жанрах. Он был иконописцем, пейзажистом, общепризнанным мастером портрета, автором искусствоведческих очерков. Не сосчитать его заслуг в деле спасения и реставрации икон – недаром он был одним из ведущих сотрудников кондаковского института в Праге, самого известного центра русского зарубежья по изучению и собиранию, как писал впоследствии Солоухин, «черных досок» с ликами русских святых. До сих пор тех, кто заходит в Троицкий собор во Пскове, поражает его мозаика «Троица». Псков, Изборск, Печерский край вообще сыграли огромную роль в становлении мастера. И неслучайно он уже на склоне жизни, когда в России повеяли ветры свободы, он передал для музея своего любимого города более 70 своих работ.

Рига, Прага, Монреаль, Митава, Варшава – куда только не кидала судьба этого удивительно одаренного человека. Род свой по матери он отсчитывал от каретного дела мастера Иоанна, приехавшего в Российскую империю в XVIII веке из Силезии. Дедом отца был знаменитый архитектор, один из соратников Росси, Иван Климов. Детство Евгения Евгеньевича прошло в Петербурге. Потом он любил вспоминать, как каждый день бегал в Русский музей и рисовал копии. С началом Первой мировой они с матерью переехали в Ригу.

АЛЕКСАНДР БЕНУА. В Версале. 1936. Бумага, акварель. Музей семьи Бенуа, Петродворец
ALEXANDER BENOIS. At Versailles. 1936. Watercolour on paper. The Benois family museum, Peterhof

to the collection of the famous Moscow patron of the arts, doctor Ivan Ivanovich Troianovsky.

Serov and Levitan, Chekhov and Benois, Somov and Vrubel considered Troianovsky their friend. A dedicated art collector, one of the organisers of the society "Free Aesthetics" which he had established together with Brusov, Ivan Ivanovich had always been at the centre of the city's artistic life. In addition, the foundation of the "Blue Rose" was also his idea; long before World War I his collection contained more than two hundred works, sixteen by Levitan alone, both pictures and studies.

It should be mentioned that unlike some other collectors Ivan Ivanovich was a generous and sympathetic person. In the Yauza clinic where he started his medical career as an intern and later at the horse railway company and tram depots of Moscow, his patients were workers. And, of course, as a doctor, he was always at the disposal of his artistic friends. It would be difficult to name everyone whom this wonderful man helped during his life.

The study ended up in his collection. Even when the revolution brought requisitions of private art collections, when privately-owned houses were turned into blocks of communal flats, Troianovsky continued to work; he was a true enthusiast of medicine, and believed that his duty came above all other considerations. Time, though, did not spare him: in 1928 this great doctor, who was also the source of innovative artistic ideas, died.

The study was exchanged for something more tangible or sold to the Moscow broker Krainovsky probably even before Troianovsky's death. Then a mysterious Berlin banker, Rapport, owned it for some time until finally the picture came to the collection of Evgeny Evgenievich Klimov.

Klimov's diverse talent knew no boundaries: he was not only an icon and landscape painter, and the author of articles on art history, but his portraits were also much acclaimed. It would be difficult to overestimate his efforts in the saving and restoration of icons; he was one of the leading specialists of the Kondakov Institute in Prague, the best-known centre for collecting and studying icons (or as later Solouchin called them, the "black boards with the faces of the Russian saints.")

His mosaics "Trinity" never fail to astonish those who visit the Trinity Cathedral in Pskov. Besides being a source of inspiration, the Pskov, Izborsk, and Pechorsky regions had exerted great influence over Klimov's development as an artist, so it was only natural that at the end of his life, when the wind of freedom brought great

МИХАИЛ ДОБУЖИНСКИЙ. Интерьер. 1933. Бумага, акварель. Собрание РФК

MIHAIL DOBOUJINSKY. The Interior. 1933. Watercolour on paper. The collection of the Foundation of Culture

changes in Russia, he left about 60 of his own works to the museum of his favourite city.

Riga, Prague, Montreal, Mitaва, Warsaw... This enormously talented man was very widely travelled.

On his mother's side he traced his family history back to a certain Johann, a coach maker, who had arrived in the Russian Empire in the 18th century from Silesia. On his father's side, his great grandfather was Ivan Klimov, a famous architect and a colleague of Rossi. Evgeny Evgenievich spent his childhood in St. Petersburg; later he enjoyed recollecting how he would run to the Russian museum to copy the works of art he admired every day. At the beginning of the World War I he and his mother moved to Riga, where he graduated from the Academy of Arts and was appointed the head of the Russian department at the Museum of Fine Arts. He also taught drawing and art history at the Riga University and at the Lomonosov Grammar School. He painted murals for the St. John cathedral and for the chapel at the Pokrovsky cemetery. Two albums of his lithographs "City Landscapes" and "Along the Pechorsky Region" were published in Riga. Benois spoke highly of those albums.

"The Lithographic Views of Latvia by Evgeny Klimov" are a poetic blend of mood and artistic excellence. "I can find no better compliment to an artist than by comparing those charming urban and suburban landscapes to similar works by Doboujinsky", the great artist and the-

В Риге он закончил Академию художеств, был назначен заведующим русским отделом в Музее изобразительных искусств, преподавал рисование и историю искусств в Рижском университете и Ломоносовской гимназии, исполнил фрески для Иоанновского собора и для часовни на Покровском кладбище. В Риге увидели свет его альбомы литографий «Городские пейзажи» и «По Печерскому краю», которые очень ценит Александр Николаевич Бенуа. «Литографированные виды Латвии Евгения Климова» полны настроения и поэзии. Я не могу сделать лучшего комплимента художнику, как сравнить эти очаровательные городские и пригородные пейзажи с аналогичными работами Добужинского», – писал великий художник и сценограф Евгению Евгеньевичу. С Добужинским Климова также связывала дружба как в Прибалтике, так и в Америке. «Я учился на его рисунках видеть и чувствовать окружающий меня мир, но никогда не работал непосредственно под его руководством. Тем более мне лестно прочесть в его письме ко мне: «Вы не были моим учеником, но таковым я все-таки могу Вас считать», – вспоминал впоследствии художник.

Жизнь Климова, после работы в оккупированной немцами Праге, где он успел выполнить мозаику в храме Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище и расчистить знаменитый образ Спасителя из коллекции Солдатенкова, закончил за океаном, в Канаде, куда сумел перебраться в 1949 году.

Там он ни на один день не прекращал свою неостановимую деятельность. Печатался в русских газетах и журналах, провел около десяти персональных выставок, создал целую серию портретов знаменитых русских эмигрантов, читал лекции. И всегда и везде яростно отстаивал достоинство навсегда потерянной страны. Россия и русское искусство оставались для него основным смыслом жизни.

«Есть все же уверенность, что русская живопись будет оценена по достоинству, ибо одними рассудочными произведениями искусства человечество удовлетворяться долго не может.

На русских людях лежит долг им самим почувствовать и понять значительность созданного своими художниками, чтобы знакомить людей с Западом с русской живописью», – провозглашал Климов в предисловии к своей книге «Русские художники», увидевшей свет в Нью-Йорке в 1974 году.

atre designer wrote to Klimov.

Doboujinsky and Klimov had become friends while still in the Baltic states and continued their friendship in America. "Though his drawings taught me to see and to feel the world around me, I have never worked under his direct guidance. The more so I was flattered by his letter in which he wrote: 'You were not a disciple of mine, but I can consider you as such,'" the painter recollected later.

Klimov spent the last years of his life overseas in Canada, where he lived from 1949. By that time he had worked in Nazi-occupied Prague, where he created a mosaic in the Assumption of the Holy Virgin Church and cleaned the famous icon of Our Saviour from the Soldatenkov collection.

While in Canada, he worked as vigorously as ever. He published articles in Russian-language newspapers and magazines, organised about a dozen solo shows, gave lectures and painted a series of portraits of famous Russian emigrants. And as usual, no matter where he was, he defended the dignity of his native country, even though he had lost it once and for all. Russia and its art gave the ultimate meaning to his life.

"Hopefully, one can be sure that in the due course of time, Russian painting will be acclaimed in the right way according to its worth, because humanity cannot be satisfied for a long time with rational art alone. The Russians have first to explore and feel for themselves the meaning and value of the heritage of their own painters, before they are able to introduce people from the West to Russian painting," Klimov proclaimed in the foreword of his book "Russian Painters" published in New York in

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ. Старый Форт Росс. 1970. Картон, масло. Собрание РФК
EVGENY KLIMOV. The Old Fort Ross. 1970. Oil on canvas. The collection of the Foundation of Culture

1974. Back in 1938, Alexander Nikolaevich Benois had written to Klimov: "Thank you for sending me your album of lithographs dedicated to the Pechorsky region. This edition is of great artistic and historic interest. The motifs have been collected with much sensitivity, and the technique you chose, when only a few most characteristic features remain, gives a convincing idea of this sorrowful poetic and miraculously preserved corner of old Russia."

Benois very accurately defined the essence of what Evgeny Klimov dedicated his life to - a lifelong effort to communicate a true-to-life idea of the sad poetic legacy of old Russia, already in the past, to the world. Among other pieces Klimov's collection included many works by Benois. For many years his sketches for the La Scala productions of "Khovanshchina" and "Boris Godounov" as well as the sketches for the New York enter-

Еще в 1938 уже упоминавшийся нами Александр Николаевич Бенуа писал Климову: «Очень благодарю Вас за присылку Вашего альбома литографий, посвященных Печерскому краю. Издание это представляет собой крупный интерес как в историческом, так и в художественном смысле. Мотивы собраны с большой чуткостью, а техника, Вами выработанная, сводя все к немногим, но наиболее характерным чертам, дает убедительное представление об этом печально-поэтичном, чудом уцелевшем уголке старой Руси».

Александр Николаевич сумел очень точно найти слова для сути того, чему посвятил жизнь Евгений Евгеньевич Климов, – дать миру убедительное представление о печально-поэтическом наследии старой Руси.

В собрании Климова хранилась целая коллекция работ Александра Бенуа. Его эскизы к постановкам «Хованщины» и «Бориса Годунова» в «Ла Скала» и «Раймонды» Нью-Йоркской антрепризы Соло Юрока, вместе с портретом Андрея Бакста и видами Версаля и Фонтенбло долгие годы украшали стены климовского дома в Монреале. Другими «жемчужинами» климовской коллекции были эскизы Добужинского к американским постановкам Михаила Чехова. И конечно, портрет Елизаветы Шаре – этюд к «Исцелению слепорожденного».

И вот пришла перестройка. Евгений Евгеньевич, так долго ждавший перемен, с восторгом встретил известие о создании

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ. Уголок старого Квебека. Бумага, карандаш. Хранится в семье художника
EVGENY KLIMOV. An Old Quebec Corner. Pencil on paper. Kept in the family of the artist

Фонда культуры. Появление негосударственной организации, во главе которой стояли такие люди, как Раиса Максимовна Горбачева и Дмитрий Сергеевич Лихачев, вдохновило не только Климова. Сотни русских эмигрантов и их потомков стали передавать в Фонд сбереженные ими реликвии – картины, скульптуры, бесценные книги и архивные документы. Потому что они много десятилетий берегли свои сокровища именно для того, чтобы вернуть их в духовное пространство страны, которую они так любили.

Так возникло знаменитое собрание Фонда, которое продолжает пополняться и сегодня. В его составе – картины Маковского, Айвазовского, Нестерова, Добужинского. Тысячи произведений искусства по воле дарителей были переданы в музеи и архивы страны. Так произошло и с шедеврами из коллекции Климова.

В своем письме на имя Лихачева Климов говорил о том, что ему было бы важно, чтобы сбереженные им сокровища были открыты для зрителей и чтобы они нашли достойное место хранения. По его воле более семидесяти работ самого Евгения Евгеньевича были переданы в Псковский государственный музей-заповедник, шедевры Александра Бенуа стали основой созданного Музея семьи Бенуа в Петергофе. А этюд Сурикова теперь находится в собрании Фонда культуры, так как этого хотел Евгений Евгеньевич.

Климов торопился, как будто предчувствуя свою судьбу. 29 декабря 1990 года он погиб в автокатастрофе под Монреалем. Выполняя его волю, сын художника Алексей Климов передал в дар Фонду семь эскизов Мстислава Добужинского.

Год назад к юбилею Фонда культуры в стенах Академии художеств на Пречистенке была развернута огромная выставка реликвий русской культуры, которые вернулись в нашу страну благодаря Фонду культуры. Тридцать музеев предоставили свои экспонаты для этого события. И там, на одной площадке вновь соединились шедевры из собрания Климова – эскизы Бенуа из Петергофа, рисунки и литографии самого Евгения Евгеньевича, предоставленные Псковским музеем-заповедником, и эскизы Добужинского из собрания Фонда. И конечно, вновь и вновь завораживал посетителей несостоявшийся ангел к «Исцелению слепорожденного» – портрет жены великого русского художника.

Виктор Леонидов, Ольга Землякова

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ. Квебек. Бумага, карандаш. Хранится в семье художника
EVGENY KLIMOV. Quebec. Pencil on Paper. Kept in the family of the artist

prise by Solo Jureck of "Raimonda", along with a portrait of Andrei Bakst and views of Versailles and Fontainebleau, decorated Klimov's house in Montreal. Among other gems were sketches for Michael Chekhov's American productions by Doboujinsky and, of course, the portrait of Elisabeth Scharret which is the study for the "Healing of the Blind from Birth".

Then perestroika started in Russia: Evgeny Evgenievich, who had been waiting for such changes all his life, was excited by the news of the creation of the Foundation of Culture. The appearance of a non-governmental institution headed by such notables as Raisa Gorbacheva and academician Dmitry Likhachev, inspired many others as well as Klimov.

Hundreds of emigrants and their descendants enthusiastically started to pass over to the Foundation works which they had been saving – pictures, sculptures, priceless books and archive documents. Their dream came true: for many decades they had kept those treasures only to return them to the place where they belonged, both spiritually and culturally.

Thus, pictures by Makovsky, Aivazovsky, Nesterov and Doboujinsky formed the core of the Foundation's famous collection, which is still growing. Thousands of works of art were handed over to museums and archives in Russia in accordance with the will of the contributors. The same destiny awaited the masterpieces from Klimov's collection.

Klimov had specified in his letter to Likhachev that it was of great importance to him that the gems he had saved should be

made available to the general public, and that they should be provided with the appropriate long-term care and conditions. According to his will more than 70 of his own works were offered as a gift to the Pskov National Reserve Museum, while masterpieces by Alexander Benois provided the basis for the museum of the Benois family set up in Peterhof. But the study by Surikov was to go to the collection of the Foundation.

Klimov seemed to be in a hurry to finish his plans, as if he could foresee his future: he was killed in a car accident in Montreal on 29 December 1990. Following his wishes the artist's son, Aleksei Klimov, presented seven sketches by Mstislav Doboujinsky to the Foundation as a gift.

A year ago, to celebrate the jubilee of the Foundation of Culture, the Academy of Art on Prechistenka Street in Moscow hosted a major exhibition displaying treasures of Russian culture that had been returned to their homeland thanks to the Foundation. Thirty museums provided the show with its exhibits: once again sketches by Benois from Peterhof, drawings and lithographs by Evgeny Klimov from the Pskov museum, and the sketches by Doboujinsky were exhibited under the same roof – as they had been for many years in Klimov's collection. At the centre of viewers' attention was the would-be angel from the "Healing of the Blind from Birth" – the portrait of the wife of the great Russian artist.

Victor Leonidov and Olga Zemljakova